

«Неужели он и правда всё замнёт?»

Мысль была донельзя наивной. Я прекрасно это понимал, даже стоя у двери по адресу, который прислали с незнакомого одиннадцатизначного номера.

Один, два, ноль, один, вызов. Нажав поочерёдно кнопки домофона, я глубже натянул кепку. Половина обзора погрузилась во тьму. Классическая музыка, до этого монотонно и неспешно лившаяся из динамика, резко оборвалась, и толстая стеклянная дверь лифта, преграждавшая мне путь, плавно и беззвучно открылась.

Даже за то короткое время, пока лифт вёз меня на двенадцатый этаж, в голове пронеслось множество мыслей. Бесчисленное множество — куда больше, чем за все последние дни — они проносились и исчезали со скоростью света.

Когда я вышел из лифта, на этаже была всего одна дверь. И после долгих мучительных раздумий вывод, к которому я пришёл, тоже был единственным.

Я знал, что должен идти, но никак не мог заставить себя сделать шаг. И тогда плотно закрытая дверь, словно дожидаясь, открылась сама, давая мне пройти. Я не думал, что она любезно приглашает меня войти. Скорее, она показывала, что выбора у меня нет, что путь только один.

Поэтому я снял обувь у огромного входа, отделанного светлым мрамором, переобулся в тапочки и шагнул внутрь. Передо мной раскинулся длинный короб, именуемый коридором, на стенах которого кое-где висели картины в витиеватых рамах.

И хотя тапочки были лёгкими и мягкими, каждый шаг давался с трудом. Я медленно переставлял ноги, осознавая, кажется, каждый сантиметр, отделявший меня от конца коридора.

А там, в конце, коридор выходил в угол гостиной — такой огромной, что на ум приходило лишь слово «необъятная». И на чёрном кожаном диване, занимавшем одну из стен этой просторной гостиной, сидел он.

— Пришли?

Взгляд У Тхэ Сона медленно прошёлся по мне. Он слегка наклонил бокал с прозрачной жидкостью и закинул ногу на ногу.

— Тоже хотите, учитель?

В такт неспешно льющейся классической музыке покачивались тапочки того же цвета, что и мои. На столике на уровне его колен стояла пузатая бутылка вина.

Разумеется, горлышко не было запечатано пробкой. А значит, в бокале У Тхэ Сона был именно алкоголь. Более того, У Тхэ Сон, так запросто предлагавший мне бокал, был старшеклассником, а я — учителем.

Но из всех этих вопиющих проблем указать хотя бы на одну я не мог — единственное, на что меня хватило, это с трудом покачать головой в знак отказа.

— Может, лучше сначала выпить?

У Тхэ Сон, склонивший голову набок, пожал плечами.

— Что ж, поступайте как знаете, учитель.

Кивок. Проследив за жестом У Тхэ Сона, указывающим на пространство перед ним, я увидел лишь пустой мраморный пол. Гостиная была настолько огромной, что её и гостиной-то назвать было сложно, но именно это место, будто нарочно оставленное для меня, казалось подсвеченным невидимым софитом.

Пустота, ждущая лишь меня, и давящая тишина вокруг — всё это заставило меня сдвинуться с места. Я встал прямо напротив У Тхэ Сона.

Но У Тхэ Сон предлагал мне нечто большее, чем просто вино. Вино, по правде говоря, было ещё самым безобидным из всего.

— Сначала снимите кепку.

Услышав его голос, я стянул кепку, которую до этого натянул на самые глаза, и до боли сжал её в руке.

У Тхэ Сон, даже не поставив на стол опустевший бокал, взял в руки угловатый чёрный футляр. Из него он извлёк белую сигарету с сероватым фильтром.

— Рубашку.

Глухой приказ просочился сквозь губы, державшие сигарету. Я изо всех сил пытался послушно следовать его голосу, но пальцы дрожали и отказывались подчиняться. Уйма времени ушла на то, чтобы расстегнуть одну-единственную маленькую пуговицу.

Проблема была в том, что пальцы застыли, добравшись до последней. Расстегнуть её — и всё закончится. Но сама эта мысль, что всё «закончится», парализовала меня ещё сильнее.

— ...

Затянувшуюся тишину нарушил звук — большой палец У Тхэ Сона чиркнул по кремню зажигалки. В этом звуке слышался немой упрёк в моей медлительности.

И хотя он больше ничего не сказал, кончики моих пальцев, и без того окаменевшие от напряжения, начало покалывать от спешки. Нельзя тянуть. Нужно двигаться. И в тот самый миг, когда крышечка Zippo со щелчком захлопнулась, передав крошечный огонёк тонкой сигарете, мне удалось расстегнуть последнюю пуговицу.

Когда узел, державший всё вместе, исчез, полы рубашки разошлись и упали вниз. Холодный воздух коснулся низа живота, до этого скрытого тканью. По коже, от этого одновременно знакомого и чужого ощущения, побежали мурашки.

Не успел я даже отложить в сторону рубашку, которую с таким трудом снял:

— И брюки тоже, — добавил тот же любезный голос, подробно разъясняя, что я ещё не закончил.

Пряжку на брюках я мог расстегнуть с закрытыми глазами. Настолько привычное и простое действие, что я мог бы сделать это одной рукой. Но сегодня всё было иначе — это казалось трудным. Словно я забыл, как это делается, или, может, никогда и не умел.

Щелчок металла о металл прозвучал отчаянно и вместе с тем безвольно. Даже понимая, что всё это — не более чем жалкая попытка оттянуть неизбежное, рука, сжимавшая пряжку, не двигалась.

— К слову. Ломаться — это не ко мне.

Словно я, как говорится, «строил из себя недотрогу», — гласило его слегка нахмуренное лицо.

Как ни странно, его слова почти не разозлили меня. Может, потому, что у меня просто не было сил злиться на каждую его реплику? Я, в общем-то, готовился к подобному, но одно только беспокойство о том, чего от меня ждут и что сейчас произойдёт, высасывало всю мою энергию. Пожалуй, это было даже к счастью, что его слова не задели меня так сильно, как могли бы.

Я снова и снова напоминал себе, зачем стою здесь. Что я пришёл получить. Что пришёл вернуть. Почему я покорно делаю то, чего требует У Тхэ Сон. Я вцепился в эту мысль.

И с трудом выдавил из себя фразу:

— ...Мне ведь... только это нужно сделать, да?

Перечить настроению У Тхэ Сона я не мог.

Он сделал предложение, я — принял. И хотя обоюдным доверием в наших отношениях и не пахло, для меня это было обещание, в которое я был вынужден верить. В которое я должен был верить.

— А вы хотите чего-то большего? — У Тхэ Сон выдохнул тонкую струйку дыма вместе с лёгкой усмешкой. — Я не против.

Он и вправду предлагает сделать «больше»? Не имея даже малейшего представления, что это «больше» может значить, я почувствовал внезапное давление, будто меня допрашивали. К счастью, этот вопрос, похоже, не требовал ответа.

Лишь когда я подумал, что нужно поскорее разобраться с тем, что мне предложено, пока за его небрежно брошенными словами не скрылось что-то худшее, моя рука, помедлив, наконец сдвинулась с места.

— ...

На лице, на которое я мельком взглянул, не было и тени улыбки. Теперь единственное, что прикрывало моё тело, — это кусок нижнего белья, но он, казалось, не проявлял к этому особого интереса или удовольствия.

У Тхэ Сон постукивал пальцами по колену. Глядя на эти давящие на меня пальцы, я понимал, что до черты, за которой он позволит мне остановиться, ещё далеко.

Рука, державшая резинку белья, скользнула вниз по ягодицам, мимо бёдер и у коленей отпустила то, за что держалась. Хлипкая ткань безвольно рухнула на пол, а я остался стоять посреди комнаты. Один, принимая всё это на себя, всем своим телом, под его холодным взглядом.

— А теперь приступайте.

Тон был очень лёгким. До смешного лёгким, если учесть, как я мучился все эти дни, сотни раз обдумывая это и днём, и ночью, так и не найдя правильного ответа.

Словно вся эта ситуация была пустышкой, У Тхэ Сон казался абсолютно невозмутимым. Я, которому не позволили оставить на себе даже клочка одежды, не был здесь чем-то из ряда вон выходящим. Необходимость стоять голым перед У Тхэ Соном не была чем-то странным. Здесь я ничем не отличался от обыденного пейзажа.

Одной рукой я обхватил свой обмякший, поникший член. Я чувствовал, как взгляд, до этого скользивший по мне с макушки до пят, теперь сфокусировался в одной точке. И я, ощущая на

себе этот взгляд, медленно двинул рукой.

— Пожалуйста... никому не говори...

Разумеется, именно мне, не сумевшему даже оскалить клыки, пришлось первому подставить брюхо.

Это была отвага, выжатая из последних сил, но в ответ я получил лишь удушающую тишину. Сейчас, вспоминая, я понимаю, что это был лишь краткий миг. Но тогда мне казалось, что даже время, которое уходило на то, чтобы сглотнуть слюну, длилось вечность.

В этой одной и той же тишине У Тхэ Сон мог неспешно обдумывать свой выбор, в то время как я был вынужден отчаянно цепляться за тонкую верёвочку.

— Я сделаю всё, что вы скажете, учитель.

— П-правда?

Я слишком поздно понял, что этот миг молчания был дан не для того, чтобы У Тхэ Сон решил мою судьбу, а для того, чтобы раз и навсегда вбить мне в голову правила наших будущих отношений и подчинить себе.

— Так покажите мне это. По-настоящему.

— ..А?

Сказав, что ему просто любопытно, У Тхэ Сон тогда легко рассмеялся. Он смеялся, глядя на меня, застывшего, неспособного ни закрыть, ни открыть рта.

— Я готов сделать всё, о чём вы попросите.

Но даже на такое поддразнивающее, игривое приглашение я мог ответить лишь торжественной клятвой. Я должен был.

Конечно, я думал о том, чтобы сбежать.

Но он был внуком председателя попечительского совета школы Сонджин. На ум приходило упоминание о влиятельной семье, которая до сих пор поставляет ключевые фигуры в сфере образования. А это означало, что если я сейчас отступлю, то это будет не просто уход с одной работы — это поставит крест на всей моей карьере.

— Не получается? Или вам для этого моей спортивной формы не хватает?

И главное — это был мой сонбэ. Я ни за что на свете не хотел, чтобы он обо всём этом узнал. Я ненавижу эту мысль сильнее смерти.

Неосознанно ладонь сжалась чуть сильнее. Я почувствовал, как мой мягкий член медленно наливается силой, словно и это было для него физической стимуляцией.

Неважно, насколько знакомым было это прикосновение — мне было мерзко от самого себя за то, что я так легко воспламенился в этой ледяной атмосфере. Как я мог так просто возбудиться, прекрасно осознавая, в какой ситуации нахожусь?

Переводчик и редактор — Rudiment.

<http://bllate.org/book/14794/1318947>